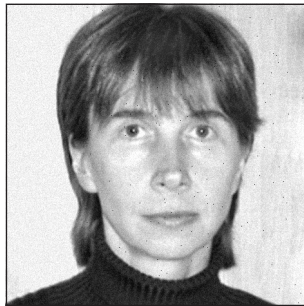

О референции и онтологии

Л.Б. МАКЕЕВА

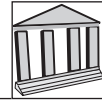

В аналитической философии XX в. был разработан новый подход к онтологическим исследованиям, основанный на анализе языка. Основная цель этого подхода – выявить те категории языковых выражений, которые несут так называемую онтологическую нагрузку, т.е. используются для обозначения разных видов сущего. В результате в центре внимания оказывается понятие референции как отношение, связывающее то или иное языковое выражение с чем-то существующим. Американский философ Аврум Стролл назвал представление о том, что не может быть референции к тому, что не существует, «аксиомой референции» и подверг его критике. В статье разбираются аргументы Стролла и высказываются соображения о том, почему «аксиома референции» не искажает картину функционирования языка и, стало быть, почему «аналитическая метафизика» имеет право на существование.

Ключевые слова: философия языка, онтология, референция, логический атомизм, теория дескрипций, теория прямой референции, имена собственные, термины естественных видов.

Аналитическая философия, возникшая в начале XX в., знаменовала собой «радикальный разрыв с одурманивающей метафизической традицией»¹, од-

¹ Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М., 1998. С. 510.

О РЕФЕРЕНЦИИ И ОНТОЛОГИИ

нако одни аналитические философы восприняли этот разрыв как безоговорочный отказ от метафизики в любых ее формах, а для других он означал создание метафизических теорий принципиально нового типа.

Главной особенностью этого нового подхода к решению метафизических и прежде всего онтологических проблем было осознание того, что философия с помощью доступных ей средств концептуального анализа не может давать нам прямого описания реальности как таковой; если метафизика возможна, то лишь в виде анализа того, как мы мыслим о реальности, а учитывая, что наше мышление структурируется языком, то – как мы говорим о реальности. В последующем этот онтологический подход Дэвидсон охарактеризует как «метод истины в метафизике» и основную его идею усмотрит в том, что наиболее общие особенности реальности могут быть выявлены путем исследования общей структуры языка. Основная цель такого исследования языка для многих аналитических «метафизиков» состоит в том, чтобы выявить категории языковых выражений, которые несут, так сказать, онтологическую нагрузку, т.е. используются для обозначения разных видов сущего.

В результате в центре онтологических изысканий оказывается понятие референции, и независимо от того, трактуется ли референция как отношение между знаком и обозначаемым (представляя собой, по образному выражению Витгенштейна, «щупальца», которыми слова дотягиваются до реальности²) или как действие, совершаемое людьми, которые с помощью слов указывают на предметы окружающего мира, она выступает своего рода «лакмусовой бумажкой» существующего. Это представление о референции стало почти «общим местом»: для многих аналитических философов вопрос об онтологическом статусе тех или иных видов объектов и вопрос о референциальном статусе языковых выражений, обозначающих эти виды объектов, – это по сути один и тот же вопрос.

Американский философ Аврум Стролл в своей книге «Аналитическая философия двадцатого столетия» назвал это представление «аксиомой референции», сформулировав ее следующим образом: «Не может быть референции к тому, что не существует»³. По его мнению, эта аксиома имеет долгую историю, ибо своими корнями уходит в философию досократиков, однако классическое выражение она находит у Фреге. Особенно важная роль ей отводится в современных теориях прямой референции, но сфера ее применения значительно шире. Отметив этот факт, Стролл затем пишет: «Я называю этот принцип во всех его вариациях “аксиомой”, потому что он никогда фактически не подкрепляется аргументами, основаниями или свиде-

² См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат (2.1515). М., 2008. С. 46.

³ Stroll A. Twentieth-Century Analytic Philosophy. N.Y., 2001. P. 225.

тельствами. Он просто предполагается как истинный. Затем его вводят в теории референции, и он играет в них ключевую роль. Тем не менее, хотя он принимается как истинный практически всеми философами языка, он без сомнений является ложным. Ирония ситуации состоит не просто в том, что он ложен, а в том, что его ложность очевидна»⁴. Очевидная ложность аксиомы референции, с точки зрения Стролла, состоит в том, что в обыденной речи люди с одинаковым успехом говорят как о существующих предметах, так и о несуществующих, например о вымышленных персонажах в художественной литературе и мифологии и т.п., и во всех этих случаях их слова используются *референциально*.

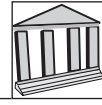
«В таких контекстах человек, – отмечает Стролл, – говорит о вымышленных предметах не в каком-то вторичном смысле слова “о”, как если бы таковой имелся, а в том же самом смысле, в каком я говорил в этой книге о Соле Крипке и Рут Маркус»⁵. Более того, люди могут высказывать истинные или ложные суждения о несуществующих вещах, ибо «будет очевидной истиной сказать, что Одиссей был женат на Пенелопе и что Гамлет не был женат на Офелии, а утверждать обратное – ложно. Литературные критики, а по существу и обычные читатели, часто обсуждают характер вымышленных персонажей, например Эмму из одноименного романа Джейн Остин. Поступая так, они используют все ресурсы повседневной речи, которые они употребили бы при разговоре о реальных людях, ссылаясь на места, где проживают такие персонажи, идентифицируя эти места по имени, историческому происхождению и т.п.»⁶ Аксиома референции, считает Стролл, повинна и во многих других искажениях в картине функционирования языка, о которых будет сказано ниже. Поэтому он видит выход только в одном – отказаться от нее, ибо этот отказ «расчищает нам путь» к лучшему пониманию референциальных выражений и языка в целом.

Обвинения Стролла ведут к далеко идущим выводам, один из которых напрямую касается попыток создания в рамках аналитической философии метафизики нового типа, основанной на анализе языка. Если референция не может считаться «индикатором» существующего, то надежды на построение такой метафизики совершенно беспочвенны, а усилия, предпринятые в этом направлении, изначально были обречены на провал. Сам Стролл открыто об этом не говорит, но этот вывод подразумевается, когда он рассуждает о том, почему столь многие философы некритически принимали аксиому референции. С его точки зрения, это происходило в силу того, что «их философия языка была мотивирована... онтологическими сооб-

⁴ *Stroll A. Op. cit. P. 226.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

ражениями. Если же вместо этого мы начинаем с позиции самого языка – спрашивая, что считается именем в повседневной речи и как такие имена используются, – все виды философских недоразумений исчезают. Среди них – и представление о том, что имена собственные являются ярлыками и что можно иметь референцию только к существующему»⁷.

Таким образом, отказ от аксиомы референции предполагает, что будут оставлены все попытки построить метафизику на основе анализа языка. На наш взгляд, для таких радикальных «антиметафизических» заключений нет достаточно серьезных оснований. В своей статье мы постараемся показать, что аксиома референции отнюдь не представляет большой опасности для исследования природы языка и вовсе не является источником искажений; скорее, можно утверждать обратное – мы не сможем понять феномен языка, если не будем пытаться разобраться в том, какое место он занимает во взаимодействии человека, понимаемого во всем многообразии его социальных связей, и мира. Однако прежде следует лучше понять, что означают выдвинутые Строллом обвинения против философов, принимающих аксиому референции.

На первый взгляд обвинения Стролла имеют под собой определенный резон. Возьмем, к примеру, Б. Рассела, который, можно сказать, был первым аналитическим философом, предложившим новый тип метафизики в виде грандиозного философского проекта под названием «логический атомизм». Рассел открыто признает право философии ставить и решать вопросы о фундаментальных структурных особенностях реальности. В статье «Логический атомизм» (1924) он пишет: «Философия должна быть всесторонней и смелой, чтобы предлагать гипотезы о Вселенной, которые наука все еще не в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть. Но они должны быть представлены именно *как* гипотезы, а не, что часто делается, как бесспорные истины, подобно догмам религии»⁸. Вместе с тем следует отметить, что язык не представляет для Рассела самостоятельного интереса; он обращается к его анализу, поскольку считает, что философия должна начинаться с «анализа суждений». В рамках этого анализа Рассел формулирует определенную теорию значения, которую принято называть денотативной, поскольку, во-первых, она касается такой категории языковых выражений, как имена собственные, а во-вторых, согласно этой теории, значение имени собственного является его носителем, т.е. значение имени отождествляется с его денотатом (референтом), который трактуется как нечто существующее. Таким образом, Рассел изначально обращает внимание именно на те языковые

⁷ *Stroll A.* Op. cit. P. 229.

⁸ *Рассел Б.* Логический атомизм // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М., 1998. С. 35.

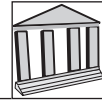

выражения, на которые возложена, так сказать, функция обозначать существующее.

Как известно, на первом этапе, опираясь на эту денотативную теорию, Рассел вслед за Мейнонгом полагал, что все обозначаемое именем собственным должно в каком-то смысле существовать – если не как вещь, имеющая реальное существование (existence), то как понятие, обладающее идеальным существованием (subsistence). В результате онтология, представленная им в работе «Принципы математики» (1903), содержала помимо привычных объектов внешнего мира такие сущности, как числа, множества, отношения, свойства и даже гомеровские боги и химеры. Однако подобная трактовка имен собственных как онтологически нагруженных языковых выражений наталкивалась на серьезные концептуальные затруднения, одно из которых связано с невозможностью отрицать существование чего-либо, не впадая в противоречие⁹. Действительно, если исходить из того, что значением имени собственного является его носитель и что предложение, содержащее имя, является истинным в том случае, когда имеется объект, обозначенный данным именем, и он обладает свойством, выраженным предикатом, то получается, что считающееся истинным предложение «Пегас не существует» говорит следующее: существует объект (Пегас), для которого верно, что он не существует. Для преодоления этого и подобных ему парадоксальных результатов Рассел разработал специальную технику анализа, которую назвал «философской логикой» и ядро которой составляет известная теория дескрипций. Нет ничего удивительного в том, что эта техника анализа была применена им прежде всего как метод онтологической редукции. Рассел решил, что и в логике должно восторжествовать «трезвое чувство реальности».

Ключевое место в философской логике занимает различение логической и грамматической форм. Согласно Расселу, предложение имеет грамматическую форму, тогда как выражаемое им суждение имеет логическую форму. Иногда эти формы совпадают, а иногда нет, однако в определении истинностного значения предложения, а стало быть, и в индикации существующего участвует именно логическая форма, поэтому, если не позаботиться о тех случаях, где логика и грамматика расходятся, то возникает опасность уподобления грамматических категорий логическим и соответственно онтологическим, что грозит серьезными метафизическими искажениями. Поэтому стратегия Рассела состояла в том, чтобы для каждого проблематичного предложения S сформулировать логически эквивалентное ему предложение S_l такое, чтобы его грамматическая форма точно ото-

⁹ Сюда же относятся проблема пустых имен, проблема значения в неэкстенциональных контекстах и др. Подробнее о них см.: *Смирнова Е.Д., Таванец П.В.* Семантика в логике // Логическая семантика и модальная логика. М., 1967. С. 3–53.

О РЕФЕРЕНЦИИ И ОНТОЛОГИИ

бражала логическую структуру суждения, выраженного в S и S_j . Для ясного и однозначного представления логической формы он стал использовать разработанный им формально-логический язык, указав, как следует осуществлять перевод на этот «логически совершенный» язык. Необходимость же такого перевода, согласно Расселу, обусловлена тем, что обыденный язык включает в себе источники путаницы, многозначности и неясности, которые на протяжении веков были причинами философских заблуждений.

Применение этой техники позволило Расселу показать, что среди так называемых «обозначающих выражений», т.е. слов и словосочетаний, выполняющих в предложении роль подлежащего, есть много таких, которые нельзя уподоблять именам собственным. К ним относятся прежде всего определенные дескрипции («самая высокая горная вершина», «столица Франции» и т.п.), которые, согласно Расселу, по своим логическим функциям существенно отличаются от имен собственных: если имя обладает самостоятельным значением, то дескрипция – это неполный символ, приобретающий значение только в контексте целого предложения и исчезающий при переводе этого предложения в логически совершенный язык. Так, предложение «Сократ смертен» в логически совершенном языке выражается формулой $F(a)$, тогда как предложение «Нынешний король Франции лыс» представляет собой конъюнкцию из трех предложений, одно из которых утверждает существование человека, являющегося нынешним королем Франции, второе говорит о единственности такого человека, а третье приписывает ему свойство быть лысым. Подобный анализ устраняет иллюзию того, что выражение «нынешний король Франции» кого-то обозначает, и вместе с тем позволяет понять, как определяется истинностное значение рассматриваемого предложения: поскольку среди ныне живущих людей нет человека, обладающего свойством «быть королем Франции», то первый конъюнкт является ложным, а стало быть, ложным является и все конъюнктивное суждение в целом.

Таким образом, при разрешении трудностей, с которыми столкнулась денотативная теория значения, стратегия Рассела по сути состояла в следующем: сохранить в неприкосновенности основные положения этой теории, но радикально сократить категорию имен собственных, опираясь на следующий принцип: если языковое выражение встречается в предложении, которое может быть преобразовано в логически эквивалентное ему предложение, не содержащее этого выражения, то данное выражение не несет никакой онтологической нагрузки. Исключив определенные дескрипции из категории онтологически нагруженных выражений языка, Рассел на этом не остановился. Следующим видом выражений, к которым он применил свой метод онтологической редукции, стали имена вымышленных персонажей, которые он истолковал как «скрытые» или «сокращенные» де-

скрипции. Поскольку это было уже посягательством на выражения, которые традиционно считались именами собственными, Рассел ввел название «логически собственное имя» для обозначения тех выражений, которые, по его мнению, не только грамматически, но и логически являются подлинными именами, а стало быть, обозначают нечто существующее.

В различные периоды творчества он по-разному проводил границу между логически собственными именами и другими «обозначающими» выражениями. Так, обычные имена собственные вроде «Сократа» или «Наполеона» иногда относились им к категории логически собственных имен, а иногда трактовались наряду с именами вымышленных персонажей как «скрытые» дескрипции, а роль подлинных имен отводилась при этом лишь указательным местоимениям («это», «то» и т.п.). Это необычное решение, как известно, было продиктовано эпистемологическими соображениями, ибо Рассел различает два вида знания: знание-знакомство и знание по описанию. Первый вид знания мы получаем в ходе непосредственного восприятия, и оно исключает возможность ошибки, поскольку именно в актах восприятия происходит прямой контакт между реальностью и познающим субъектом: субъекту таким образом «открывается» мир и те сущности, которые познаются в актах знания-знакомства, составляют простейшие метафизические элементы мира. Знание же физических вещей, других людей и своего собственного Я, согласно Расселу, относится ко второму виду – знанию по описанию, ибо оно всегда является выводным или «производным», а потому подверженным ошибкам. Различение двух видов знания имеет тесную связь с теорией дескрипций, поскольку, по Расселу, имя применяется только к тому, с чем человек непосредственно знаком, а дескрипции используются для выражения знания, которое мы получаем от других или выводим из наших непосредственных восприятий.

Мы довольно подробно изложили, как Рассел использовал логический анализ языка при решении онтологических проблем, с тем чтобы разобраться, какую же роль аксиома референции играет в объяснении того, почему его денотативная теория значения довольно серьезно расходится с нашими обыденными представлениями о языке. Наличие такого рода расхождений отрицать не приходится; здесь достаточно указать на следующие моменты. Во-первых, получается, что подавляющее большинство языковых выражений, используемых людьми в повседневной речевой коммуникации для референции к чему бы то ни было, на самом деле никакой референциальной силы не имеют. Референциальным является только очень ограниченный класс выражений, но тогда становится загадкой, как люди вообще понимают, о чем они говорят друг другу. Во-вторых, из рассматриваемой теории вытекает, что когда человек произносит предложение «Пегаса не существует», он говорит отнюдь не об определенном вымышлен-

ном персонаже; скорее, согласно Расселу, он высказывается о нашем мире, сообщая, что в нем не существует такого объекта, как Пегас. Как отметил в свое время Л. Линский, «безусловно, если наше чувство реальности восстает при мысли, что Пегас в каком-то смысле имеет бытие, то оно равным образом восстает и при мысли, что когда мы говорим: “Пегаса не существует”, мы не говорим о Пегасе»¹⁰. И, наконец, главное: если референцией обладают только логически собственные имена, которые человек применяет к элементам своего индивидуального чувственного опыта, то как вообще тогда возможна успешная речевая коммуникация между людьми, как вообще они могут использовать язык?

Если мы теперь задумаемся над тем, почему денотативная теория значения Рассела сталкивается с перечисленными затруднениями, то скорее всего в качестве одной из причин мы сошлемся на его эмпирицистскую эпистемологию, в которой отношение именованного (или референции) совмещается с отношением знания-знакомства; поскольку последнее трактуется как открывающее познающему субъекту «доступ» к сущему и обеспечивающее достоверную информацию о реальности, оно тем самым призвано служить ответом на вопрос, как нашим мыслям и нашему языку удастся быть мыслями и языком о мире, внешнем по отношению к нашему сознанию. В качестве другой причины может быть указано то, что Рассел излишне уповал на возможности новой логики, которая, по его мнению, опирается на очищенный от искажений и ошибок «логически совершенный» язык и позволяет переформулировать используемые нами предложения таким образом, что становится явным их подлинное значение, а также из языка устраняются ничего не обозначающие выражения, и поэтому по логической структуре предложения мы можем судить об онтологической структуре описываемого этим предложением факта.

Еще одним объяснением может быть отождествление Расселом значения имени с его носителем. Однако, следуя логике Стролла, мы должны были бы признать в качестве подлинной причины указанных затруднений то, что Рассел некритически принимает аксиому референции и принимает он ее для того, чтобы использовать анализ языка в метафизических целях. Иначе говоря, не ставь он перед собой подобных целей, ему не пришлось бы прибегать к такой неадекватной трактовке имен. По сути это означает, что если бы Рассел не принимал аксиому референции, он не стал бы подходить к языку с позиций своей эмпирицистской эпистемологии, не стал бы подвергать его анализу с целью выявления выражений, которые являются подлинными именами, т.е. оставил бы язык без внимания и предоставил бы нам и дальше смотреть на это важнейшее средство коммуникации так, как мы привыкли на него смотреть. Таким образом, согласно Строллу,

¹⁰ *Linsky L. Referring. N.Y., 1967. P. 4.*

главная ошибка Рассела состояла в том, что он попытался определить, как связаны между собой язык и реальность. Впрочем, не Рассел является главной мишенью для критики Стролла в его книге «Аналитическая философия двадцатого века», а создатели так называемой теории прямой референции, но прежде чем перейти к рассмотрению этой теории, хотелось бы отметить, что, видимо, есть немалая доля иронии в том, что именно те аспекты обыденного языка (связанные с употреблением большинства его выражений как референциальных), которые Рассел относил к серьезным недостаткам этого языка и усматривал в них источник необоснованных метафизических спекуляций, стали главным аргументом против позиции самого Рассела и послужили основой для обвинений его в приверженности к спекулятивной метафизике.

Теория прямой референции была разработана в 1970-е гг. такими философами, как С. Крипке, Х. Патнэм, Р. Маркус и др. В определенных аспектах она была возрождением расселовского подхода к значению. Хотя ее создатели отказались от отождествления значения и референции, они вслед за Расселом полагали, что референция определенных видов языковых выражений устанавливается напрямую, без посредничества смысла. К таким видам выражений они относят имена собственные и так называемые термины естественных видов (natural kind terms), которые служат наименованиями природных веществ, животных, растений и физических величин (например, «вода», «тигр», «лимон», «электричество» и т.п.).

Основную идею теории прямой референции можно выразить так: и имена, и термины естественных видов являются «жесткими десигнаторами»¹¹. Термин «жесткий десигнатор» был введен Крипке в созданной им семантике возможных миров для модальной логики, где он был определен как термин, обозначающий один и тот же объект в любом возможном мире, в котором данный объект существует. Определение имен собственных и терминов естественных видов как жестких десигнаторов призвано выразить ту мысль, что связь между этими языковыми выражениями и тем, что они обозначают, носит необходимый, «жесткий» характер и не может измениться при изменении обстоятельств их употребления. Эти выражения, словно бирки, «пришпиливаются» к объектам, на которые они указывают. В отличие от них определенные дескрипции не являются жесткими десигнаторами, поскольку их референция определяется контекстом их употребления. Согласно известному примеру Крипке, имя «Фалес» и дескрип-

¹¹ Нужно сказать, что Стролл подвергает критике два варианта теории прямой референции – вариант, который был предложен Солом Крипке и в котором используется понятие «жесткий десигнатор», и вариант, который разработала Рут Маркус и в котором ключевым является понятие «ярлык» (tag), но поскольку для нашего рассмотрения различие между ними не столь существенно, мы ограничимся изложением позиции Крипке.

ция «греческий философ, полагавший, что все есть вода», считаются в соответствии с теми сведениями, которыми мы в настоящий момент обладаем, имеющими референцию к одному и тому же человеку, но если в ходе исторических изысканий вдруг выяснится, что Фалес, о котором упоминали Аристотель и Геродот, никогда не считал, что все есть вода, а этого мнения придерживался другой греческий философ-отшельник, о котором не знали ни Аристотель, ни Геродот, то совершенно очевидно, считает Крипке, что референция рассматриваемой дескрипции изменится, тогда как имя «Фалес» сохранится за тем, кому оно было дано при рождении. Более того, этот пример показывает, что дескрипция «греческий философ, полагавший, что все есть вода» (как, впрочем, и любая другая дескрипция) не может идентифицировать того, к кому следует применить имя «Фалес», даже если мы привыкли связывать ее с данным именем. Это означает, что свойства или характеристики, которыми, как нам представляется, должен обладать носитель имени, вовсе не определяют референцию данного имени и даже не составляют его смысла, ибо имена, согласно Крипке, имеют референцию, но лишены смысла.

Но как же тогда устанавливается референция имен? По мнению Крипке, это происходит благодаря «церемонии первого крещения (или именованию)», когда объекту в процессе каузального взаимодействия¹² с ним впервые присваивается имя, а затем референция этого имени передается по каузальной цепочке от одного говорящего к другому. Закрепление референции осуществляется, таким образом, или в результате непосредственного указания на объект, которому присваивается имя, или посредством дескрипции, которая в дальнейшем может быть отброшена или изменена, но это никак уже не отразится на референции введенного с ее помощью имени.

Аналогичным образом, т.е. напрямую, устанавливается референция и терминов естественных видов. Различие состоит лишь в том, что в «церемонии первого крещения» каузальное взаимодействие происходит с отдельными членами естественного вида, которые становятся тем самым, как выразился Патнэм, его «образцовыми» или «стереотипными» представителями в том смысле, что любой объект, разделяющий с ними общую внутреннюю природу, автоматически становится референтом соответствующего термина естественного вида. Например, когда некоторый образец жидкости был назван людьми «водой», этот термин охватил собой всю ту жидкость, которая обладает тем же самым химическим строением, что и данный образец. Как в последующем было установлено учеными, эта общая природа выражается формулой H_2O . Конечно, до того как наука открыла внутреннюю природу некоторого естественного вида, люди

¹² Благодаря этому теории прямой референции часто называют каузальной теорией референции.

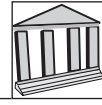

могли ошибочно применять обозначающий его термин к тому, что этой внутренней природой не обладает, но со временем в ходе научного исследования и усовершенствования методов распознавания эти ошибки выявляются и устраняются. Отметим, что под внутренней природой Крипке понимает те свойства, которыми представители естественного вида обладают с необходимостью, т.е., иначе говоря, обладают ими во всех возможных мирах, где этот вид существует. Именно благодаря наличию у естественного вида таких необходимо присущих свойств за ним может быть жестко закреплен определенный термин. Вместе с тем, хотя референция терминов естественных видов, как и имен собственных, устанавливается напрямую, они не лишены смысла, поскольку с каждым из таких терминов связывается определенное понятие.

По мнению Стrolла, теория прямой референции также дает искаженную картину функционирования языка, поскольку в ней принимается аксиома референции, которая находит выражение в том, что имена собственные и термины естественных видов уподобляются биркам, а бирки, как известно, можно прикрепить только к чему-то существующему. В то же время Крипке настаивает на том, что понимает имена собственные в привычном смысле¹³, забывая о том, что в обыденном языке к именам собственным относят и такие выражения, как «Пегас», «Гамлет», «Эльдорадо» и т.п., которые никоим образом не могут служить бирками. В результате, считает Стroll, имена не получают единообразной трактовки и для имен вымышленных объектов приходится искать какое-то особое объяснение. Кроме того, имена собственные и определенные дескрипции наделяются разной референциальной способностью: если первые напрямую указывают на своих референтов, то вторые – нет. Здесь не учитывается, пишет Стroll, что «ошибочная идентификация может произойти и при использовании имен и при использовании дескрипций. Я могу сослаться с “равной прямокой” на соседа как на “молодого человека из соседней квартиры” или как на “Дональда Уилсона”. Каким из этих выражений я воспользуюсь, зависит от разнообразных контекстуальных факторов, например от того, знаю ли я соседа по имени. Но именование не имеет особой референциальной святости в таких случаях. В зависимости от обстоятельств каждое из этих выражений может выполнять свою функцию одинаково хорошо»¹⁴. Но и это еще не все. Согласно Стrollу, к серьезным недостаткам теории прямой референции относится и то, что референция имен в ней трактуется как единооб-

¹³ Так, в работе «Именование и необходимость» Крипке пишет: «Под именем я буду понимать здесь имя собственное, т.е. имя человека, города, страны... Мы будем использовать термин “имя” таким образом, что он не будет охватывать определенные дескрипции... но только то, что в обыденном языке называется “именами собственными”» (*Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, 1980. P. 24*).

¹⁴ *Stroll A. Op. cit. P. 226.*

разная связь, тогда как «референция посредством имен разнообразна и осуществляется в разных формах. В частности, нам следует различать такие понятия, как упоминание X и референция к X, а также проводить различие между данными понятиями и такими понятиями, как выделение X и идентификация X, которые тоже следует различать между собой. Все они представляют собой различные действия»¹⁵. И, наконец, если мы откажемся от аксиомы референции, нас перестанут мучить «кошмары» мейнонговской «перенаселенной» онтологии.

Стролл выдвигает аргументы и против объяснения, которое Крипке и Патнэм дали референции терминов естественных видов. Он стремится показать, что в обыденном языке эти термины вовсе не используются как жесткие десигнаторы. Мы не будем останавливаться на этих доводах, поскольку основная линия критической аргументации Стролла уже ясна, а наша цель здесь состоит не в том, чтобы продемонстрировать, что каждый из его доводов ошибочен (ведь по сути он говорит вполне очевидные вещи, опровергать которые было бы неразумно), а в том, чтобы показать, что эти доводы бьют мимо цели, что они вовсе не доказывают неправомерности принятия аксиомы референции. И еще один момент нужно отметить: мы защищаем здесь не теорию прямой референции как таковую, а тот подход к языку, в рамках которого эта теория была создана.

Итак, согласно Строллу, ни имена собственные, ни термины естественных видов не являются жесткими десигнаторами, т.е. они не припиливаются как бирки к чему-то существующему, поскольку люди используют их и многие другие виды языковых выражений для референции как к существующим, так и к несуществующим объектам, и, если язык рассматривается с точки зрения того, как его употребляют люди, невозможно обнаружить никакого различия в том, употребляются ли эти выражения для того, чтобы говорить о существующем или несуществующем, т.е. нет никаких оснований для приписывания референции свойства связывать слова с чем-то реальным. В основе критических аргументов Стролла, таким образом, лежит определенная трактовка референции. Согласно этой трактовке, референция, говоря словами Стросона, является «функцией употребления», т.е. связь между словом и некоторым предметом устанавливается в ходе использования этого слова человеком для указания на данный предмет. Иначе говоря, референция представляет собой действие, совершаемое людьми при помощи слов. Эта трактовка была создана в рамках философии обыденного языка в противовес другой трактовке, в соответствии с которой референция является отношением, имеющим место между элементами языка и компонентами предметной области, для репрезентации которой он предназначен, причем

¹⁵ *Stroll A. Op. cit. P. 226.*

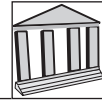
это отношение устанавливается и сохраняется в определенной мере независимо от того, как и для каких целей язык используется людьми. Когда язык рассматривается в таком ракурсе, когда на первый план выступает соотносительность его элементов с компонентами предметной области, вопрос о том, какие языковые выражения обозначают нечто существующее, а какие – нет, становится неизбежным и естественным и он определенным образом решается – ведь люди, использующие язык в повседневном общении, откуда-то знают, что имя «Пегас» обозначает нечто несуществующее, тогда как «Наполеон» – это имя реальной исторической личности. А раз это так, то что может запретить нам называть референцией не отношение между любым языковым выражением и тем, что оно обозначает, а отношение, которое связывает определенные языковые отношения с чем-то реальным¹⁶? Что мешает нам принять аксиому референции?

Однако, как известно, сторонники первой трактовки категорически отвергают второе понимание референции. Так, Стросон в своей статье «О референции» пишет, что языковое выражение «само по себе не имеет референции к чему бы то ни было, хотя и может быть в разных случаях употреблено к бесчисленному множеству предметов»¹⁷, а стало быть, язык, взятый вне употребления, является «референциально немым». На наш взгляд, Стролл, категорически требуя отказа от аксиомы референции, тем самым вслед за Стросоном и многими другими философами отвергает вторую трактовку референции, и по сути его критика призвана показать несостоятельность этой второй трактовки. Именно с этим выводом трудно согласиться.

Есть определенное неудобство в том, что в указанных трактовках одно и то же слово «референция» употребляется для обозначения разных вещей, поэтому для ясности мы в дальнейшем будем использовать выражение «референция₁» применительно к референции, понимаемой как действие, совершаемое людьми, и выражение «референция₂» – применительно к референции, понимаемой как отношение между словом и тем, что оно обозначает. С учетом этого наш тезис можно сформулировать следующим образом: неверно противопоставлять референцию₁ референции₂ и полагать, что первую можно объяснить без помощи другой, поэтому для правильного понимания функционирования языка нам нужна и та, и другая. Безусловно, обоснование этого тезиса потребовало бы развернутого обсуждения довольно широкого спектра непростых вопросов, поэтому здесь мы предложим лишь краткий набросок этого обоснования в надежде, что если нам не удастся убедить читателя в ошибочности точки зрения

¹⁶ Как показывает развитие аналитической метафизики, для выявления подобных языковых выражений одного логического анализа языка уже недостаточно, однако здесь мы не будем касаться этого вопроса.

¹⁷ Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 65.

Стролла, то хотя бы получится показать, что проблема здесь гораздо глубже, чем он стремится ее представить.

Идея референции¹ была предложена в рамках общего представления о значении как употреблении, которое, по убеждению сформулировавшего его Л. Витгенштейна, призвано рассеять туман, которым в философии окружено понятие значения. Это представление показалось очень привлекательным для многих философов, поскольку позволяло без ссылок на какие-либо ментальные или абстрактные сущности вроде фрегевских смыслов дать ответ на вопрос, благодаря чему удается «вдохнуть жизнь» в простые звуки и начертания и сделать их языковыми символами. Этот ответ состоял в том, что звуки и начертания становятся языком, когда их употребляют люди в своей коммуникации друг с другом. Будучи определенным видом поведения, язык «переплетается» с другими видами деятельности и именно благодаря этой связи с разнообразными человеческими действиями употребление языковых выражений наделяет их теми значениями, которые они имеют. Такой подход к значению имеет еще то важное преимущество, что описание сети лингвистических практик, с которыми переплетается употребление слов, «не включает психологических или семантических понятий, но выражается полностью в терминах того, что открыто для внешнего наблюдения»¹⁸. Вместе с тем помимо общего указания «ищи не значение, а употребление» у Витгенштейна нельзя найти и намека на то, как можно было бы дать более точное определение значения в терминах употребления. Потребность же в подобном определении и в систематическом теоретическом описании употребления ощущалась многими философами, осознавшими, что когда идея значения как употребления берется в отрыве от общей теории, она ведет к «партикуляристской» трактовке значения. Ведь если в различных языковых играх одни и те же слова имеют разные употребления и соответственно разные значения, а совокупность возможных употреблений одного и того же слова ничем не ограничена и не фиксирована, то значение любого слова неизбежно оказывается неопределенным и неустойчивым, ибо каждое изменение в его употреблении влечет за собой изменение его значения.

Попытки создать систематическую теорию, взяв за основу идею значения как употребления, привели к тому парадоксальному результату, что нельзя ставить знак равенства между значением языкового выражения и его употреблением, хотя между ними существует очень тесная связь. Этот вывод нашел отражение в теории речевых актов Джона Остина. Как известно, помимо иллокутивного и перлокутивного актов в структуре речевого акта Остин выделял еще локутивный акт, основу которого образует некоторое устойчивое значение языкового выражения, остающееся практически неизменным в разных кон-

¹⁸ Dummett M. Truth and Other Enigmas. L., 1978. P. 446.

текстах его употребления. Безусловно, в процессе языковой коммуникации возникают и иные «аспекты значимости» языкового выражения (фиксируемые иллокутивным и перлокутивным актами), порождаемые конкретными обстоятельствами его употребления и играющие не менее важную роль в его понимании, однако именно неизменное значение данного выражения, будучи конвенциональным по своей природе, обеспечивает возможность его использования и понимания в бесчисленных и разнообразных ситуациях. К такому же выводу пришел и Пол Грайс, предложивший различать «значение, подразумеваемое говорящим» (*utterer's meaning*), и значение самого предложения или слова¹⁹. Мы ссылаемся на первое значение, когда говорим о ком-то, что, произнеся такие-то слова, он имел в виду то-то и то-то, т.е. намеревался с их помощью совершить такое-то действие, тогда как второе предполагается нами, когда мы говорим, предложение или слово само по себе значит то-то и то-то. В результате, согласно Грайсу, употребление языка есть продукт сложного взаимодействия нескольких систем, включая систему конвенционально установленных значений и систем коммуникативных приемов, которые имеются в распоряжении совершающих осмысленные поступки людей и которые регулируют эффективный обмен информацией между ними.

Но что представляет собой эта система конвенционально установленных значений? Среди философов по этому вопросу нет единого мнения. Для одних она является концептуальной схемой, лежащей в основе языка; другие вслед за Дэвидсоном воспринимают ее как систематическую теорию значения, которой овладевает каждый, кто понимает язык. В любом случае она содержит в себе разного рода конвенции, включая и те, которые закрепляют определенные языковые выражения за теми или иными предметами или классами предметов. Возможно, при введении таких конвенций важную роль играет каузальное взаимодействие носителей языка с теми предметами, по отношению к которым эти конвенции устанавливаются, на чем настаивают сторонники каузальной теории референции.

Система конвенциональных значений отчасти складывается стихийно, отчасти является результатом целенаправленной работы людей, которая никогда не прекращается. Способы, какими человек усваивает эту систему, довольно сложны и разнообразны, но как бы мы ни представляли ее, важную роль в ее формировании играет референция², ибо, как сказал когда-то Патнэм, благодаря референции осуществляется корреляция между «параметризацией мира» и «параметризацией языка», причем таким образом, что формулируемые нами «предложения имеют тенденцию в далекой перспективе коррели-

¹⁹ См.: Grice P. *Utterer's Meaning, Sentence Meaning, and Word-Meaning* // *Foundations of Language*. 1968. Vol. 4. P. 225–242.

ровать с реальными положениями дел (в смысле параметризации)»²⁰. Таким образом, поскольку успешная коммуникация между людьми невозможна без системы конвенционально устанавливаемых значений, это означает, что люди не смогут выполнять референцию₁ при помощи слов, если они прежде не позаботились о референции₂, а стало быть, для правильного понимания функционирования языка нам нужны и референция₁, и референция₂.

В заключение хотелось бы отметить одно интересное обстоятельство. Как известно, Витгенштейн предостерегал нас от околдованности языком, который способен своими «чарами» загонять философов в ловушки. Чтобы этого не происходило, считал он, нам нужно внимательнее относиться к тому, как употребляются слова в повседневных контекстах. Парадокс, на наш взгляд, состоит в том, что само слово «употребление» оказалось такой философской ловушкой. Идея значения как употребления кажется нам интуитивно понятной и привлекательной, поскольку мы вообще не можем представить себе языка без употребления. Ведь знак или знаковая система становятся такими только тогда, когда кто-то использует их в качестве заместителей или представителей чего-то еще. Поэтому, если язык берется вне употребления в этом широком смысле, то он не просто «референциально нем», его вообще нельзя считать языком. Когда же мы говорим об употреблении, имея в виду конкретные случаи употребления того или иного слова, идея отождествления значения слова с употреблением в этом узком смысле уже не выглядит столь очевидной, но мы, «очарованные» идеей употребления в широком смысле, можем этого и не заметить.

²⁰ Putnam H. Language and Reality // H. Putnam. Mind, Language and Reality. Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge, 1975. P. 289–290.